

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

детская

■ 2016 (199)

6+

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Евгений Чарушин

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Синичкин календарь

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Валентина Осеева

Волшебное слово

И. И. Шишкин. «Травки», 1892 г.

Геннадий Шпаликов

* * *

Я к вам травкою прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться.

Однажды утром зацвести,
Пока её никто не видит,
А уж на ней роса блестит
И сохнет, если солнце выйдет.

Оно восходит каждый раз
И согревает нашу землю,
И достигает ваших глаз,
А я ему уже не внемлю.

Не приоткроет мне оно
Опущенные тяжко веки,
И обо мне грустить смешно,
Как о реальном человеке.

А я — осенняя трава,
Летящие по ветру листья,
Но мысль об этом не нова,
Принадлежит к разряду истин.

Желанье вечное гнетёт,
Травой хотя бы сохраниться —
Она весной прорастёт
И к жизни присоединится.

К. Юон.
Троицкая лавра.
1916 г.

В номере:

3

Валентина Осеева

Рассказы

12

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

**Рождественский вертеп
Смерть царя Ирода**

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Выдающийся детский художник мира животных:
Евгений Чарушин**

22

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Что такое Кивеннапа?

25

ЖИВОЙ УГОЛОК

Виталий Бианки

Синичкин календарь

27

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Владимир Волков

Простые вроде бы слова

28

РАССКАЗЫ

Олег Трушин

Кое-что о ежах...

31

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Елена Климова

Божия коровка

34

РАССКАЗЫ

Оксана Громова

Баба Маня

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:
72766 — на полгода
71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Сайт: www.roman-gazeta-1927.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59
Сайт: www.chpd.ru
e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 7367

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Валентина Осеева
Волшебное слово
Рассказы

Художник Е. УСТИНОВА

На катке

День был солнечный. Лёд блестел. Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездил от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю. Витя выделывал разные фокусы — то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

— Молодец! — крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронёсся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

— Я нечаянно... — сказал он, отряхивая с её шубки снег. — Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

— Коленку...

Сзади раздался смех.

«Надо мной смеются!» — подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

— Эка невидаль — коленка! Вот плакса! — крикнул он, проезжая мимо школьников.

— Иди к нам! — позвали они.

Витя подошёл к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, тёрла ушибленную коленку и плакала.

Три товарища

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо, — сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. — До обеда далеко ещё!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю... — тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверное, в кармане нёс, а надо в сумку класть, — сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь!

Сыновья

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, — говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь? — спрашивают её соседки.

— Что ж сказать? — говорит женщина. — Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — любят им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где же они? — отвечает старик. — Я только одного сына вижу!

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш.

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что ж, спроси ещё у брата, — говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько, — говорит Лена. — Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:

— Ну, что ж ты? Бери!

— Не надо, — отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

Почему?

Мы были одни в столовой — я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, — мы с мамой только недавно отдавали её увеличивать. На этой карточке у папы было такое весёлое, доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я стал раскачиваться на стуле, держась за край стола, мне показалось, что папа качает головой.

— Смотри, Бум, — шёпотом сказала я и, сильно качнувшись на стуле, схватился за край скатерти.

Послышался звон... Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце.

Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни послышались быстрые шаги.

— Что это? Кто это? — Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. — Папина чашка... папина чашка... — горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упреком спросила: — Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на её ладонях. Колени у меня дрожали, язык заплетался.

— Это... это... Бум!

— Бум? — Мама поднялась с колен и медленно переспросила: — Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав своё имя, задвигал ушами и завилал хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

— Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развёл руками:

— Он немножечко подпрыгнул... и лапами...

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

— Он будет жить в будке, — сказала мама и, присев к столу, о чём-то задумалась. Её пальцы медленно сгребали в

кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то вверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскрёбся у двери.

— Не пускай! — быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она всё так же о чём-то думала, потом тихо спросила: — Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай.

— Ты очень испугался? — повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял её за шею.

— Если ты... нечаянно, — медленно начала она.

Но я перебил её, торопясь и заикаясь:

— Это не я... Это Бум... Он подпрыгнул... Он немножечко подпрыгнул... Прости его, пожалуйста!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши её порозовели. Она встала.

— Бум не придёт больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом с фотографической карточки смотрел на меня папа...

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши

ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом. Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось всё тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери и Бум останется один на всю ночь. Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробегали у меня по спине. Если б чашка не была папиной и если б сам папа был жив, ничего бы не случилось... Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное. И я боялся не наказания — я с радостью перенёс бы самое худшее наказание. Но мама так берегла всё папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул её, и теперь с каждым часом моя вина становилась всё больше.

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моём лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

— Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

— Будет дождь.

Я попросил:

— Пусти Бума...

— Нет.

— Хоть в кухню... мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слёзы и перебирая под столом бахрому скатерти.

— Иди спать, — со вздохом сказала мама.

Я разделся и лёг, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из её комнаты проникала ко мне жёлтая полоска света. За окном было темно. Ветер качал деревья. Всё самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум... Бум... Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на

корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернётся. Но папа не вернулся...

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он зевал, просил, скрёбся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминной двери всё ещё просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в моё окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскопчил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул её.

— Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял её лицо, смятый мокрый платочек лежал под её щекой.

— Мама!

Она открыла глаза, обняла меня тёплыми руками. Тоскливый собачий лай донёсся до нас сквозь шум дождя.

— Мама! Мама! Это я разбил чашку! Это я, я! Пусти Бума...

Лицо её дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я натёкался на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слёзы, от него пахло дождём и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а

он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улёгся на своё место и, не мигая, смотрел на нас. Он думал: «Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?»

Мама долго не спала. Она тоже думала: «Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?»

И я тоже думал, лёжа в своей кровати: «Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?»

В эту ночь мы долго не спали, и у каждого из нас троих было своё «почему».

Что легче?

Пошли три мальчика в лес. В лесу грибы, ягоды, птицы. Загулялись мальчики. Не заметили, как день прошёл. Идут домой — боятся:

— Попадёт нам дома!

Вот остановились они на дороге и думают, что лучше: соврать или правду сказать?

— Я скажу, — говорит первый, — будто волк на меня напал в лесу. Испугается отец и не будет браниться.

— Я скажу, — говорит второй, — что дедушку встретил. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

— А я правду скажу, — говорит третий. — Правду всегда легче сказать, потому что она правда и придумывать ничего не надо.

Вот разошлись они все по домам. Только сказал первый мальчик отцу про волка — глядь, лесной сторож идёт.

— Нет, — говорит, — в этих местах волка.

Рассердился отец. За первую вину рассердился, а за ложь — вдвое.

Второй мальчик про деда рассказал. А дед тут как тут — в гости идёт.

Узнала мать правду. За первую вину рассердилась, а за ложь — вдвое.

А третий мальчик как пришёл, так с порога во всём повинился. Поворчала на него тётка да и простила.

В одном доме

Жили-были в одном доме мальчик Ваня, девочка Таня, пёс Барбос, утка Устинья и цыплёнок Боська.

Вот однажды вышли они все во двор и уселись на скамейку: мальчик Ваня, девочка Таня, пёс Барбос, утка Устинья и цыплёнок Боська.

Посмотрел Ваня направо, посмотрел налево, задрал голову кверху. Скучно! Взял да и дёрнул за косичку Таню.

Рассердилась Таня, хотела дать Ване сдачи, да видит — мальчик большой и сильный.

Ударила она ногой Барбоса. Завизжал Барбос, обиделся, оскалил зубы. Хотел укунить её, да Таня — хозяйка, трогать её нельзя.

Цапнул Барбос утку Устинью за хвост. Всполошилась утка, пригладила свои пёрышки. Хотела цыплёнка Боську клювом ударить, да раздумала.

Вот и спрашивает её Барбос:

— Что же ты, утка Устинья, Боську не бьёшь? Он слабее тебя.

— Я не такая глупая, как ты, — отвечает Барбосу утка.

— Есть глупее меня, — говорит пёс и на Таню показывает.

Услыхала Таня.

— И глупее меня есть, — говорит она и на Ваню смотрит.

Оглянулся Ваня, а сзади него никого нет.

Кто хозяин?

Большую чёрную собаку звали Жук. Два пионера, Коля и Ваня, выбрали Жука на улице. У него была перебитая нога. Коля и Ваня вместе ухаживали за ним, и, когда Жук выздоровел, каждому из мальчиков захотелось стать его единственным хозяином. Но кто хозяин Жука, они не могли решить, поэтому спор их всегда кончался ссорой.

Однажды они шли лесом. Жук бежал впереди. Мальчики горячо спорили.

— Собака моя, — говорил Коля, — я первый увидел Жука и подобрал его!

— Нет, моя! — сердился Ваня. — Я перевязал ей лапу и кормил её.

Никто не хотел уступить.

— Моя! Моя! — кричали оба.

Вдруг из двора лесника выскочили две огромные овчарки. Они бросились на Жука и повалили его на землю. Ваня поспешно вскарабкался на дерево и крикнул товарищу:

— Спасайся!

Но Коля схватил палку и бросился на помощь Жуку. На шум прибежал лесник и отогнал своих овчарок.

— Чья собака? — сердито закричал он.

— Моя, — сказал Коля. Ваня молчал.

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покопился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую. — Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой. «Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Какую тебе?

— Мне синюю, — робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?» Павлик отво-

рил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки. «Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика. За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста. За столом сразу все замолчали.

Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся! «Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Хорошее

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

«Что, если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас!»

А сестрёнка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла. А Юра думает:

«Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

— Убери посуду, Юрочка.

— Убери сама — некогда мне!

Покачала головой няня. А Юра опять думает:

«Вот если б Трезорка в колодезь упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет:

«Дай мне попить, Юра!»
— Пошёл вон! Не мешай думать!
Закрыв Трезорка пасть, полез в кусты. А Юра к маме пошёл:

— Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

— Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

Плохо

Собака яростно лаяла, припадая на передние лапы. Прямо перед ней, прижавшись к забору, сидел маленький взъерошенный котёнок. Он широко раскрывал рот и жалобно мяукал. Неподалёку стояли два мальчика и ждали, что будет.

В окно выглянула женщина и поспешно выбежала на крыльцо. Она отогнала собаку и сердито крикнула мальчикам:

— Как вам не стыдно!

— А что стыдно? Мы ничего не делали! — удивились мальчики.

— Вот это и плохо! — гневно ответила женщина.

Творчество советской писательницы **Валентины Александровны Осеевой** (1902–1969) проникнуто огромным желанием научить детей различать добро и зло в своём сердце, давать верную оценку своим поступкам. Каждый из её коротких рассказов глубоко проникает в душу читателя, заставляет задуматься. Работая воспитателем беспризорных детей, В. Осеева понимала, как важно напитать их души светлыми, добрыми мыслями и чувствами, дать твёрдые нравственные ориентиры. Именно для этих трудных ребят были написаны её первые сказки и рассказы, которые впоследствии завоевали сердца многих юных читателей.

Валентина Александровна Осеева родилась в Киеве. Её отец, Александр Дмитриевич Осеев, работал инспектором на элеваторе, а мать — Ариадна Леонидовна — корректором в газете.

Валентина Александровна Осеева начала учиться в гимназии в Киеве, а закончила учёбу в Житомире. По

окончанию гимназии она поступила на драматический факультет Института имени Лысенко. Но закончить его не удалось, так как в 1923 году семья Осеевых переехала в Москву, и Валентина Александровна Осеева пошла работать в Трудовой комитет для безнадзорных ребят. С тех пор шестнадцать лет она безотрывно работала с «трудными» детьми в колониях, детдомах, приёмниках, Валентина Осеева в своих произведениях часто писала о детях с непростой судьбой.

В. А. Осеева для своих воспитанников часто сочиняла рассказы, пьесы, притчи. В 1937 году в газете «За коммунистическое просвещение» был напечатан её первый рассказ «Гришка». И с 1940 года она стала профессиональным литератором. Она работала в разных жанрах: повести, сказки и стихи, детские рассказы Осеевой были очень популярны у публики.

Книги Осеевой любят и современные читатели, сейчас самое известное произведение Осеевой — по-

весть в трех частях «Динка». Эта книга была последней в жизни автора. А старшее поколение зачитывалось книгой «Васёк Трубочёв и его товарищи». Эта трилогия была популярна в 60–80-е годы. Валентине Александровне со всей страны шли письма с просьбой рассказать о дальнейшей судьбе Васьки, очень близкой послевоенному поколению детей.

Игорь Черников

Рождественский ВЕРТЕП

Художник В. Бухарев

«Радуйся! Ой, радуйся, земле! Сын Божий родился».

ЗИМА. Рождественский сочельник. Наступает вечер; тьма ложится наземь, покрывает своими тенями снега белые-пушистые. И вот вспыхивает на востоке ярким трепетным светом вифлеемская звезда... На неё устремлены взоры всей православной Руси, всех единоверных русскому пахарю народов, как близких ему по крови, так и далёких. «Христос рождается!» — раздаётся радостное песнопение по всем храмам Божиим и плывёт вместе со звоном колокольным от многолюдных городов и сёл через доли и горы, по полям и дорогам, по всему неоглядному простору великорусскому. Радость великая пришла в каждый дом. «Христос родился нас ради спасения!»

Отстояв в церкви всенощную или заутреню, молодёжь и дети ходят по деревне, славят Христа, а хозяевам желают доброго здоровья, хорошего урожая, богатого приплода скота.

В некоторых избах устраиваются целые представления. Смотрите! Возле одного дома зажжётся фонарь, посаженный на длинный шест. Значит, там сегодня дают спектакль. Поспешим и мы познакомиться с чудесным кукольным действием, имя которому в Польше — «шопка», в Белоруссии — «батлейка», на Украине и в России — «вертеп».

Зрители, поздравляя друг друга с праздником, рассаживаются по лавкам. Наконец, два паренька принесли и поставили на стол большой ящик. Внешне он напоминает домик, разделённый на два-три яруса (этажа). А если заглянуть за занавес, то мы увидим прорези в полу, по которым двигаются куклы, закреплённые на стержнях. Но кто же спрятался за ящиком? Ага!

Здесь водящий кукол, а также хор и музыканты.

И вот представление начинается...

Хор затягивает рождественский кондак: «Дева днесь Пресущественного рождает...» Водящий кукол выходит к зрителям и зажигает свечи, стоящие на балкончике перед домиком. Зажигает он и звезду на крыше вертепа. Живой, чудный свет заливает верхний ярус, сцену, где появляется Ангел, возвещающий пастухам, волхвам, да и всем людям о рождении Божественного младенца.

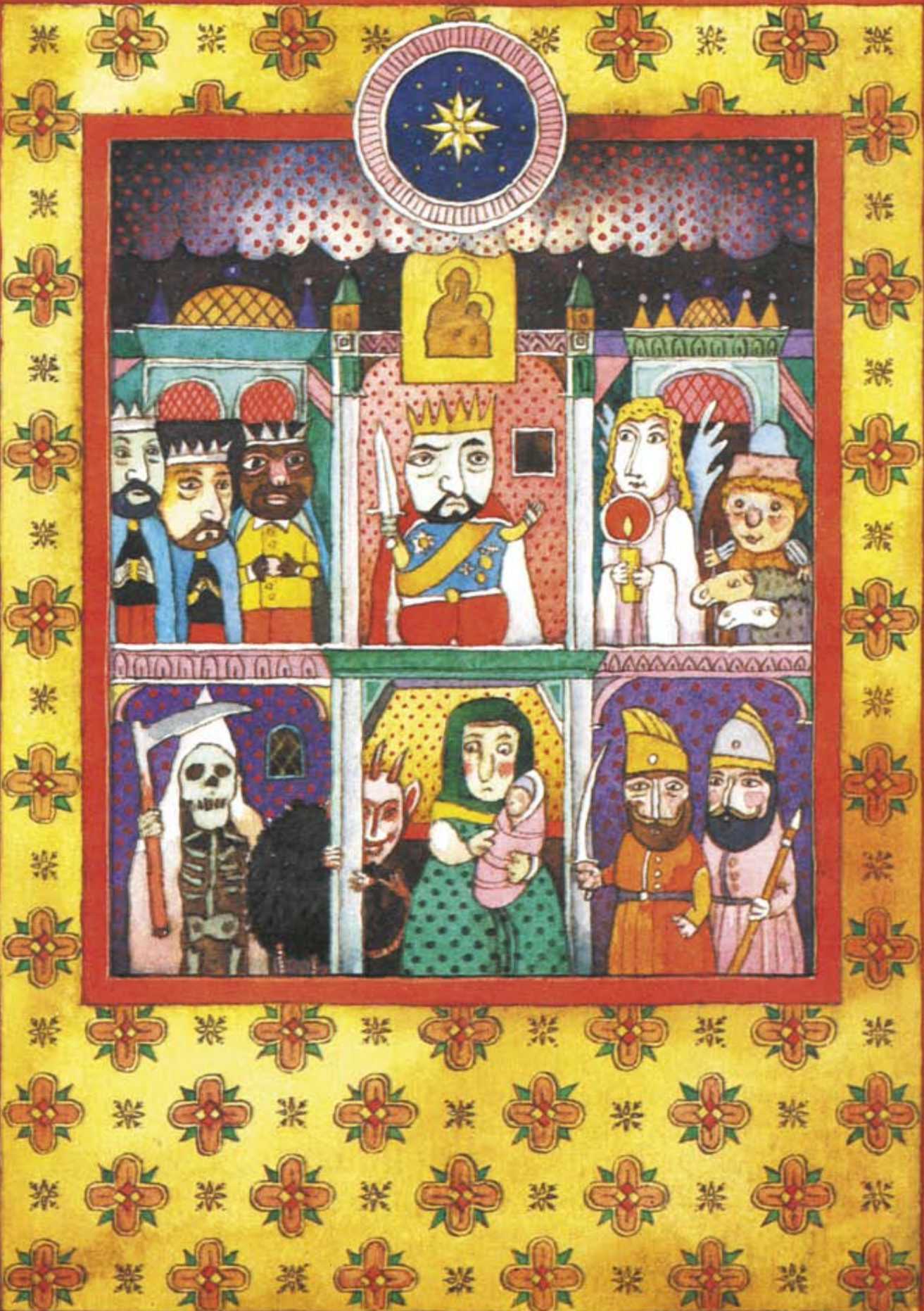
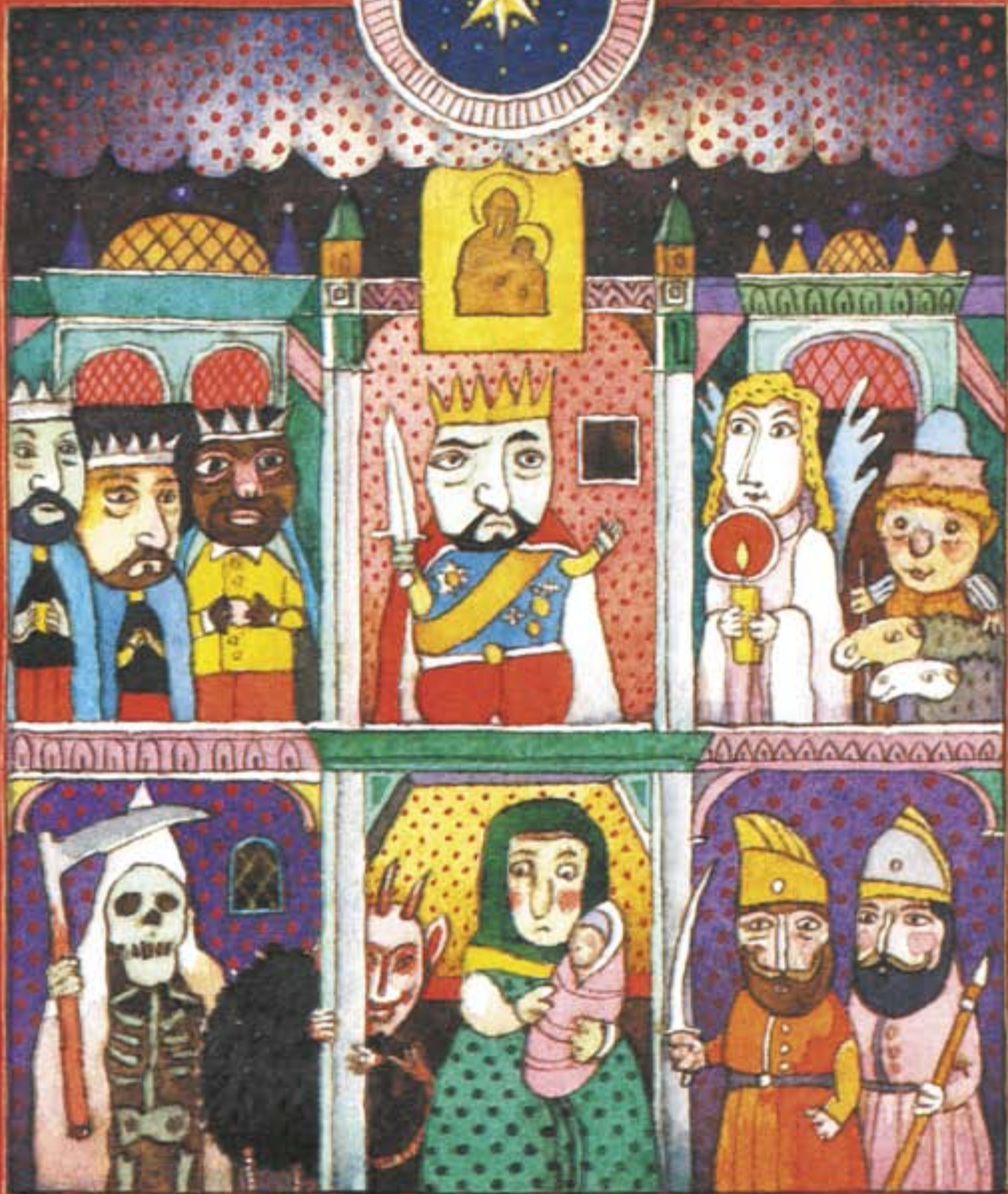
После радостной и торжественной сцены поклонения народившемуся Христу открывается занавес на нижнем ярусе, и представление о царе Ироде, жестоко истребившем младенцев в Вифлееме, продолжается. Но, как и быть должно, в конце спектакля зло наказано, а добро торжествует.

Публика довольна. Старики одобрительно качают головами, женщины украдкой вытирают слёзы, жалко им убиенных детушек. Но ведь радость пришла! Светлый праздник Рождества Христова! И начинается вторая, светская часть представления. Весёлые танцы и разговоры межевого и межевой; козы, козла и волка; старика, франта и Аришеныш и пр. заставляют от души смеяться и старого и малого. И когда прозвучали последние слова кукольного паяца: «А почтеннейшей публике многая лета!» — радостные расходятся крестьяне по своим домам, а в чистом, морозном воздухе над уснувшей деревней долго ещё слышится:

«Радуйся! Ой, радуйся, земле! Сын Божий родился».

На этот распев поются все песнопения во время спектакля.

Де-ва днесь Пре-су-шес-твен-на - го раж - да - ет,
И зем - ля вер - теп Не-при-ступ-но-му при - но - сит.

Смерть царя Ирода

Представление для публики с пением и рассказами

Действующие лица:

Царь Ирод (фигура его выше всех остальных кукол),

в синей куртке, красных штанах и красной мантии; на голове — корона, через плечо — полоска золочёной бумаги в виде орденской ленты, грудь в крестах и медалях, в руке обнажённый меч.

Ангел,

в белой длинной одежде, украшенной полосками серебряной бумаги; за плечами крылья из перьев, в руках горящая свеча или древесные ветви.

Три царя.

Два — в чёрных, один — в жёлтой куртке, в красных штанах, в голубых мантиях; на голове короны из серебряной бумаги, в руках нечто неопределённой формы («злато, ладан и смирна»).

Пастушок,

в обыкновенной крестьянской одежде, в высокой шапке, в лапотках; кнут свит кольцом — через плечо, в руках большой пастуший рог и палка-посох. При пастушке (соединены с ним проволокой) две овечки — белая и чёрная с белыми пятнами.

Воины,

в золочёных и серебряных доспехах, в шлемах, с копьями и обнажёнными саблями.

Рахиль,

одета в тёмное платье, на голове повязан тёмный платок; в руках спеленатый ребёнок.

Смерть,

скелет в белом саване с костью в руках.

Чёрт,

весь обшит чёрным мехом; рот, нос, глаза и уши красные; с рогами и с хвостом.

Вместо фигур Богородицы и Младенца раньше во многих случаях в верхнем ярусе вертепа ставили иконку Рождества Христова или Божией Матери.

Явление 1

Из правой двери выходит *Ангел* с зажжённой свечой, идёт к пещере с пением:

Дева днесь Пресущественного
рождает,

И земля вертеп
Неприступному приносит.

Ангелы же с пастырями
славословят,

Волсвие же со звездою
путешествуют.

Нас бо ради родися,
Отроча младо, превичный Бог.

Ангел поклоняется и уходит в левую дверь с пением.

Явление 2

Из правой двери *Пастушок* гонит двух овечек к пещере, падает на колени и молится с пением.

Пастушок:

Нова радость стала,
Яко в небе хвала.

Над вертепом звезда ясна,
Светла воссияла,

Пастушки идут с ягнятками,
Перед милым дитяtkом

На колени упали,
Христа прославляли.

Уходит в левую дверь с пением.

Явление 3

Выходят *три Царя*. Один входит в правую дверь, а два — в левую дверь, поворачиваются к пещере с поклонами и пением.

Цари (поют):

Из востока трое цари
Шли к Христу с дарами.

Ангел им явился,
В ноги поклонился.

Где Христос родился
Звезда воссияла.

Звезда воссияла,
Путь им указала.

Из востока три цари
Принесли ему дары,

На колени упали,
Христа прославляли:

«Величаем ты живодавче
Христе, нас ради плотию
родшегося от Безневестных
и Пречистых Девы Марии».

Цари с пением уходят: два в левую дверь, а один в правую с *Ангелом*.

Явление 4

Выходит царь *Ирод* в правую дверь, садится на царский трон и говорит:

Ирод:

Аз есмь царь.
Кто может мя снить?

Воины мои, воины.
Воины вооружённые.

Встаньте передо мной.

Явление 5

Воины входят в правую дверь и становятся перед царским тронном.

Воины:

Ого, царь, почто призываешь,
Что творить повелеваешь?

Ирод:

Подите в страны
вифлеемские,
Избейте всех младенцев,
Сущих первенцев.

Воины:

Пойдём и избьём!

Воины уходят в левую дверь.

Из правой двери выходит *Ангел*
с зажжённой свечой, идёт к пе-
щере со словами:

Ангел:

Какая радость здесь
свершилась!

Какой восторг!
Надежда наша совершилась!
Спас родился роду
человеческому.

Пришёл на землю
вожделенный свет!
Иосиф, Иосиф, старец
прославленный!

Отрока и мать бери,
В Египет, Иосиф, беги,
И будьте там, доколе
Не скончаются враги твои,
И Ирод кончину восприимет.

С пением уходит в левую дверь.

Воины входят в правую дверь и
становятся перед тронном.

Воины:

О, царь, великий государь.
Ходили мы в вифлеемские
страны.

Избивали всех младенцев,
Сущих первенцев,
Одна госпожа Рахиль
Не даёт свое чадо убить,

А хочет идти

К вашей милости просить.

Ирод:

Кто она такова?
Привести её сюда!

Воины:

Идём и приведём!

Воины уходят все в левую дверь.

Один *Воин* приводит *Рахиль* к ца-
рю *Ироду*; *Рахиль* падает на коле-
ни и плачет.

Рахиль:

О, царь,
Великий государь!
Помилуй моё чадо-отрочате.
Чтобы не было чего на том
свете ответить!

Ирод:

Воин, возьми его и убей!

Рахиль:

О, царь, помилуй моё чадо!

Ирод:

Воин, возьми его и убей,
Чтобы не было более
душе и телу скорбей!

Воин вытаскивает младенца у
неё из рук и втыкает его на ко-
пье. *Рахиль* падает на землю и
плачет.

Плач Рахили:

Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Ах, увы! Ах, увы!
В горести, печали!
Вижу младенца прободённую
утробу
И предаюся гробу.

Плач повторяется два раза сря-
ду. *Рахиль* всё время лежит на
полу у трона.

Является к ней (*Рахили*) *Ангел* в
белой одежде, с крыльями,
поднимает её и говорит:

Ангел:

Не плачь, Рахиль,
Восстань, Рахиль,
Увидишь своё чадо
У царя небесного в руках.

Ангел идет с пением и уводит *Ра-
хиль* в правую дверь.

Пение Ангела:

Не плачь, Рахиль,
Зря чада тело,
Не убьют душу
Военные крылы,
Но Бог принимает
В своя святыни.
Маленькое чадо
В рае будет радо.
Последние две строчки повто-
ряются два раза.

Ирод:

Воины мои, воины,
Воины вооружённые,
Вы на что присягали?
Чтобы мои палаты нерушимы
бывали!

Вы при параде встаньте,
Неусыпно меня оберегайте,
Смерть грядущую ко мне
не допускайте.
Воины уходят в левую дверь.

В правую дверь входит *Смерть*
в белом саване.

Смерть:

Аз есмь монархиня,
Сильнейший воин.
Всему свету пани.
Везде я, везде я.
Все цари под властью моею.
Всех я истребляю косою своею.
Полно тебе, Ирод,
Проклятый, безумный,
На сем свете жить.
Пора тебе, Ирод,
Во ад снить!

Ирод:
Ах, Смерть моя, мати.
Я не хочу с тобой добровольно
 поступати,
А хочу воевати.
Дабы неповинное царство
 узнати.

Смерть:
Ах ты, Ирод,
Проклятый, безумный,
Не хочешь со мной
добровольно поступати,
А хочешь воевати,
Дабы неповинное царство
 узнати!
Призову я своего брата
Из пропускного ада.

Смерть поворачивается лицом к левой двери и говорит громким голосом:

Смерть:
Ах, брат мой,
Стань предо мной!

Является *Черт*, с рогами, с хвостом, страшный, как пишется.

Черт:
Ого, сестра,
Зачем призвала?

Смерть:
Да вот, Ирод,
Проклятый, безумный,
Не хочет со мной добровольно
 поступать,
А хочет со мной воевать,
Дабы неповинное царство
 узнать.

Черт:
Возьми, сестра, косу,
Сними ему голову,
Ему труп и голова,
А нам с тобой держава.

Черт отходит. *Смерть* царю *Ироду* на троне голову снимает косою. *Черт* подбегает к телу царя *Ирода*.

Черт:
Ах ты, Ирод,
Проклятый, безумный,
За твоя превеликия злости
Заберу в преисподнюю
твою душу и кости.

Захватывает тело царя *Ирода*. *Ирод* проваливается вместе с *Чертом* в люк (в преисподнюю). *Смерть* уходит в левые двери...

Из правой двери выходит *Ангел* со свечой и поет:

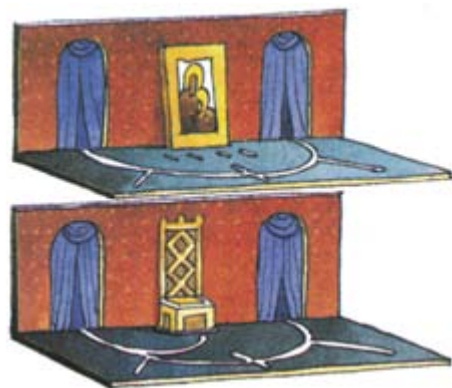
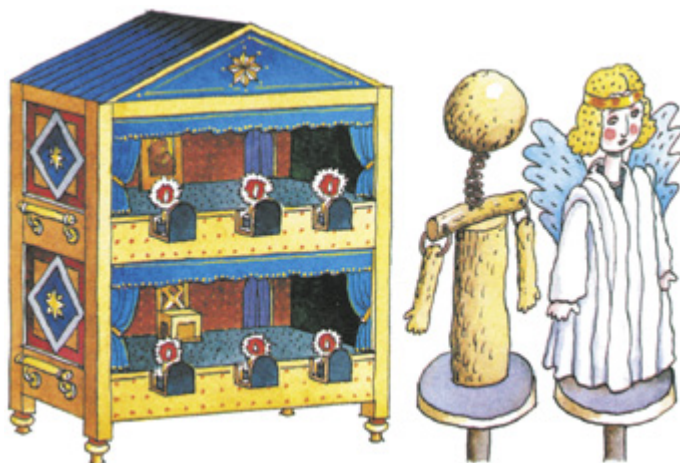
Пение Ангела:
Не ведал же он,
Что уже истребился,
И царство его
Вконец разорится.
Заслуга его
Всем людям видна,
За то ему пекло
И бездна дана.
О, Ироде, преокаянный!

Занавес

Как изготовить вертеп и куклы к нему

Вертепным ящиком может быть большая коробка из картона или фанеры, поставленная набок, — получается как бы сцена. Её надо будет поднять на ножки, повыше, чтобы зрителям было всё видно. В полу этой сцены проделываются прорезы, по которым передвигаются куклы, а в задней стене — две двери, проёмы, через которые куклы выводятся на сцену. У кукол снизу плоские подставки, на которых они стоят, и штыри-рукоятки, чтобы незримо для зрителей передвигать их по прорезям, как по рельсам. Сами куклы можно сделать из картона, выпилить из фанеры, вырезать из дерева — главное, чтобы они не развалились во время спектакля и были одеты, как должно. Проще всего взять круглый чурбачок, приделав сверху поперечину — плечи, к плечам прикрепить картонные ручки на нитках, а сверху — голову на пружинке. Тогда кукла при малейшем движении будет шевелить руками и покачивать головой. А снизу к рукоятке лучше прикрепить какой-нибудь грузик, чтобы кукла не падала.

Если делать вертеп двухэтажным, то нужно помнить, что между этажами должен быть промежуток для штырей-рукояток. И конечно же сам ящик надо оклеить цветной бумагой и разрисовать, а над ним укрепить большую рождественскую звезду.

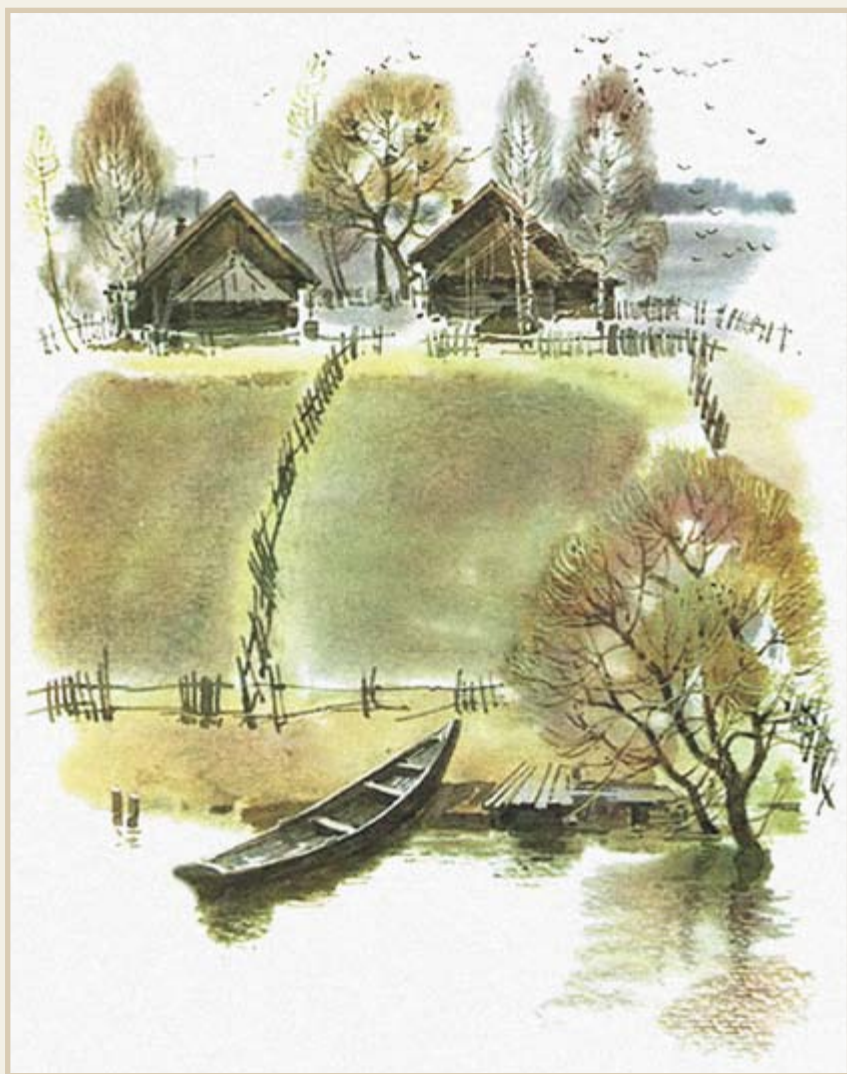
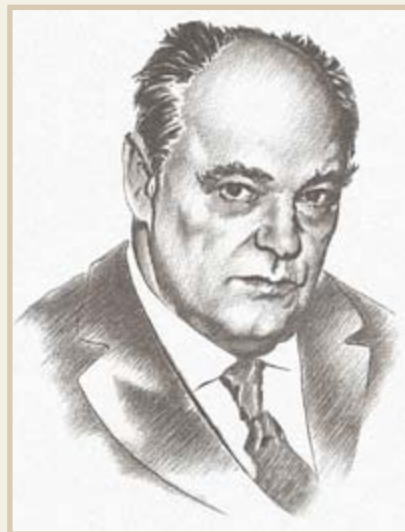

Евгений ЧАРУШИН

Евгений Чарушин (1901–1965) — иллюстратор книг о животных для детей, скульптор, писатель, педагог. Евгений Иванович родился в Вятке в семье главного губернского архитектора Ивана Аполлоновича Чарушина, одного из видных архитекторов огромного региона Урала, Предуралья и Прикамья, оказавшего существенное влияние на его застройку, по проектам которого построено более 300 зданий в Вятке, Ижев-

ске, Сарапуле и других городах.

Профессия архитектора помимо прочего требует и хороших навыков рисования, и, как и его отец, юный Евгений великолепно рисовал с детства, начинал рисовать он, по его словам, «преимущественно зверей, птиц да индейцев на лошадях...» Живой природы для юного художника было предостаточно. Дом родителей с большим садом был населён множеством птиц и зверей.

Во дворе обитали кролики, поросята, индюшата, цыплята и разнообразные певчие птицы — чижи, свиристели, щеглы, пойманные кем-то на охоте птицы, которых здесь выхаживали и лечили. В доме жили кошки, висели клетки с птицами, стояли аквариумы и банки с рыбками, жил здесь и пёс Бобка, «лежащий всегда на лестнице. Все об него спотыкались и бранились. Я же ласкал его и часто рассказывал ему о своих детских огорчениях», — писал, вспоминая свои детские годы, Евгений Чарушин.

Любимым чтением маленького Жени Чарушина были книги о жизни животных Сент-Томпсона, Лонга, Биара. И однажды отец подарил ему в день рождения семь тяжёлых фолиантов, это была великолепная книга Альфреда Эдмунда Брема «Жизнь животных» с прекрасными иллюстрациями. Этот фундаментальный труд в семи томах ве-

ликого немецкого зоолога был самой дорогой для Евгения Чарушина книгой, которую он берёт и перечитывал на протяжении всей жизни. «Я читал его заповсем, — вспоминал Чарушин, — и никакие “Нат Пинкертоны” и “Ник Картеры” не могли сравниться с Бремом». В том, что начинающий художник рисовал всё больше птиц и зверей,

есть и немалая доля влияния Брема.

В 1918 году после окончания вятской средней школы, где Евгений Чарушин учился вместе с Юрием Васнецовым, молодой художник был призван в Красную Армию и четыре года служил помощником декоратора в культпросвете Политотдела штаба Красной Армии Восточного фронта.

Вернувшись домой, он принимает решение учиться на профессионального художника, а так как в Вятке настоящей школы рисования местные учебные заведения предоставить не могли, осенью того же года Евгений Чарушин едет в Петроград-Ленинград и поступает на живописный факультет ВХУТЕИНа, преемника Петербургской Академии художеств. Здесь он учился пять лет, с 1922 по 1927-й, у преподавателей А. Караева, А. Савинова, М. Матюшина и А. Рылова.

По завершении учёбы Чарушин предложил свои рисунки в Детский отдел Госиздата, возглавляемый тогда известным художником Владимиром Лебедевым. В те года власть поставила перед художниками задачу создать принципиально новые книги специально для маленьких граждан советского государства. Они должны были быть высокохудожественными и в то же время информативными и интересно-познавательными. Работы Чарушина понравились Владимиру Лебедеву, и он поддержал молодого художника в его исканиях и творчестве. Первой книгой, проиллюстрированной Евгением Чарушиным, стала

книга-рассказ «Мурзук» В. Бианки. Она привлекла внимание не только маленьких читателей, но и знатоков книжной графики, а рисунок из неё был приобретён Третьяковской галереей.

«Преисполненный до краёв наблюдениями дет-

ства и охотничьими впечатлениями, я стал, при горячем участии и помощи С. Я. Маршака, писать сам». Евгений Чарушин пробовал писать небольшие рассказы о животных для детей. Очень тепло о рассказах начинающего автора отзывался Максим Горький.

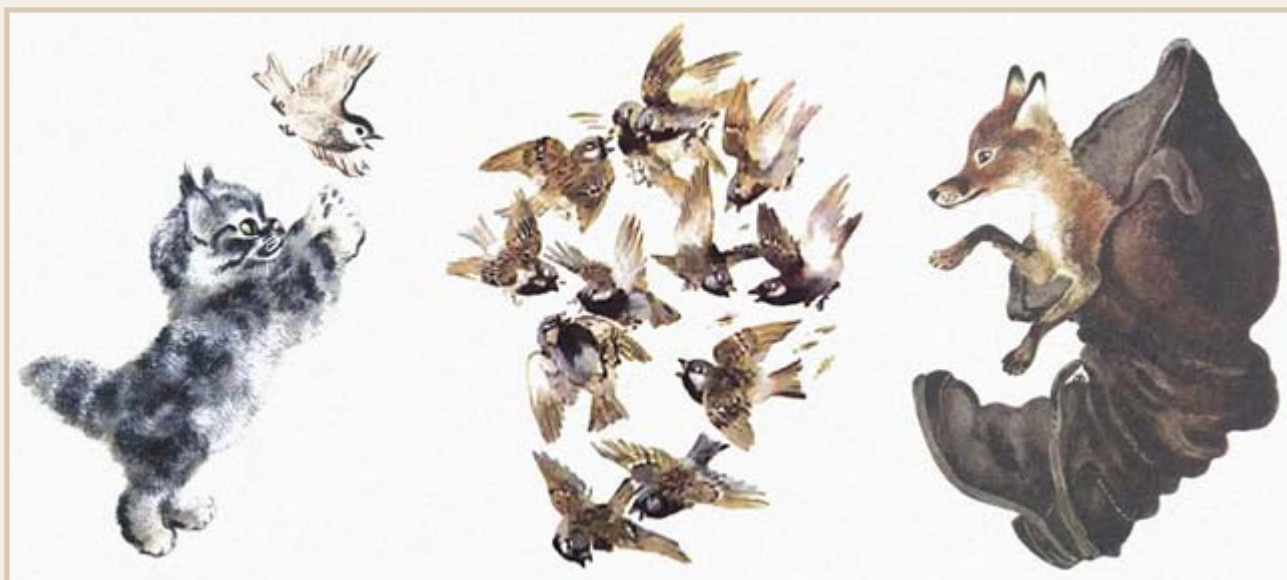
До войны Евгений Чарушин создал около двух десятков книг, среди которых «Птенцы», «Волчишко и другие», «Васька», «Про сороку», «Облава», «Цыплячий город», «Джунгли — птичий рай», «Животные жарких стран». Продолжал иллюстрировать авторов: В. В. Бианки,

С. Я. Маршака, М. М. Пришвина, К. И. Чуковского.

В иллюстрациях художника-анималиста Евгения Ивановича Чарушина мир птиц и зверей раскрыт в ярких образах, с большой теплотой и гуманностью. У него свои приёмы передачи формы, цвета и фактуры. Его герои реалистичны и сказочны одновременно. Художник стремится лаконичными средствами выразить характер каждого зверя, передать радость общения с живым. Евгений Чарушин настолько подробно и конкретно изучил животных, что, создавая свои рисунки, мог не думать о тонкостях переда-

чи формы или пропорций, так как это подразумевалось уже само собой. Такой подход помогал сосредоточиться на создании образов. Каждая его иллюстрация не похожа на другую, в каждой свой собственный эмоциональный образ — определённый характер в определённом состоянии.

Герои Евгения Чарушина добры и обаятельно, они легко увлекают маленького читателя в сказочный мир. Художник любил изображать звериных детенышей, пушистых, мягких и совсем ещё беспомощных. Евгений Иванович выработал свой метод иллюстрирования — чисто живописный. Он рисует не

контурно, а, можно сказать, антиконтурно, необычайно искусно, пятнами и штрихами. Зверь может быть изображён просто «лохматым» пятном, но в этом пятне ощущается и настороженность позы, и характерность движения, и особенности фактуры, к примеру, упругость поднятой дыбом длинной и жёсткой шерсти вместе с пуховой мягкостью густого подшерстка. К творчеству художник подходил серьёзно, именно как к творчеству, а не как к забаве или просто времяпровождению, пусть даже и полезному. Главным он считал создание образа, «а если нет образа, так и изображать нечего, а остаётся другой процесс работы — вроде руководителя, идущий от механических навыков».

Во время Великой Отечественной войны Евгения Чарушина эвакуировали из Ленинграда на родину в Киров (Вятку). Он рисовал плакаты для «Окон ТАСС», писал картины на партизанскую тему, оформлял спектакли в Кировском театре драмы, расписывал помещения детского сада одного из заводов и фойе Дома пионеров и школьников.

В 1945 году художник вернулся в Ленинград. Помимо продолжения работы над книгами, он создал серию эстампов с изображениями животных. Ещё до войны увлёкся скульптурой, расписывал чайные

сервизы, а в послевоенные годы делал из фарфора фигурки животных и целые декоративные группы.

Последней оформленной Евгением Чарушиным книгой стали «Детки в клетке» С. Я. Маршака. А в 1965 году ему посмертно была присуждена золотая медаль на Международной выставке детской книги в Лейпциге.

На всю жизнь художник и писатель Чарушин сохранил детское мироощущение и некий ребяческий восторг перед красотой мира приро-

ды. Сам он рассказывал о себе: «Я очень благодарен моим родным за моё детство, потому что все впечатления его остались для меня и сейчас наиболее сильными, интересными и замечательными. И если я сейчас художник и писатель, то только благодаря моему детству...»

Мир животных среди первозданной природы — призвание художника, который всю жизнь рассказывал о нём и рисовал этот дивный мир, сохраняя и передавая его образ детям.

Что такое Кивеннапа?

С некоторых пор моей жене стали приходить рекламные эсэмэски, в которых звучало загадочное слово «Кивеннапа».

По звучанию слово это похоже на финское. Но в Финляндии мы никогда не были и ничего там приобрести не хотели. Разве что можно съездить туда на Рождество, полюбоваться финской зимой, пушистыми ёлками и стройными соснами. Да и то вряд ли — из-за разницы в календарях финны празднуют Рождество «не вовремя», на две недели раньше: когда у нас ещё пост, они уже веселятся. Почему же вообще эта реклама была адресована нам? Это оставалось непостижимой тайной, пока мы не оказались неожиданно и сами в этой «Кивеннапе».

Неожиданно — потому что мы вовсе туда не соби-

рались. Ехали мы, как нам казалось, совсем в другое место — в монастырь святых равноапостольных Константина и Елены, который находится в посёлке Ленинское, недалеко от Зеленогорска, на Карельском перешейке.

Легко запомнить — в посёлке Ленинское стоит монастырь Константино-ЕЛЕНИНСКИЙ. Такая получается рифма. Смысла в ней немного — ведь революционер Ленин отрицал всякую религию, но рифма помогает запомнить местонахождение обители.

Константино-Еленинский монастырь, посвящённый древнему византийскому царю и царице, возник совсем недавно. Он один из самых молодых в Ленинградской области. При этом в его храмах хранится такое множество старинных ре-

Константино-Еленинский монастырь

ликвий, что возникает впечатление, будто ты действительно попал в древнюю Византию! Пожалуй, нигде я ещё не встречал такого богатства чудотворных святых. На полу нового, недостроенного собора ещё остаются следы побелки, всюду строительные инструменты, но на почётных местах покоятся мощи святых бессребренников Космы и Дамиана (начало IV века), старинные иконы, и даже частицы мощей святых Иоакима и Анны, родителей Пресвятой Богородицы!

Каждый год в августе, в день памяти святой Марии Магдалины, монахини монастыря и все желающие совершают пеший крестный ход длиной в 11 километров — к подворью монастыря в посёлке «Огоньки». Этот крестный ход называется «Линтульский».

Недавно на подворье достроили красивую церковь замечательной архитектуры — нижний её этаж из огромных блоков гранита, верхний — деревянный, в стиле русского терема. Церковь выглядит так необычно, что поневоле возникает вопрос — а кто автор такого проекта? Сейчас ведь так не строят! Во всех чертах здания чувствуется почерк мастеров русского модерна начала XX века.

Загадка — да ведь и не первая! Почему крестный ход из посёлка Ленинское в посёлок Огоньки называется «Линтульский»?

Разобраться в путанице мы смогли, заглянув в историю этих мест. Причем забираться далеко в глубь веков не потребовалось: всего сто лет назад это название было вполне понятным.

Дело в том, что посёлок Огоньки тогда назывался «Линтула», и как раз здесь находился Линтульский монастырь в честь Святой Троицы.

Сто лет назад монастырь был тоже молодой (как сейчас Константино-Еленинский): его основал местный землевладелец Ф. П. Неронов в 1896 году, вначале как сестричество во имя Святой Троицы. В 1905 году община получила статус монастыря. Обитатели оказывал особое внимание святой Иоанн Кронштадтский, а проект центрального храма составил, вероятно, какой-то знаменитый столичный архитектор.

Тогда, на рубеже веков, окрестности Линтулы (в переводе «Линтула» значит «птичка») входили в состав «русской Финляндии» — так называли Карельский перешеек в отличие от «финской Финляндии», ко-

торая начиналась за Выборгом.

С тем же успехом, правда, русскую Финляндию можно было назвать «финской Россией»: ведь «Финляндией» Карельский перешеек стал лишь по указу императора Александра Первого. Прежде это была часть Новгородской «республики», затем владения шведов. В 1710 году войска Петра Первого заняли Выборг, и Карельский перешеек стал частью Санкт-Петербургской губернии. Но спустя сто лет после этого Александр Первый, присоединив к России восточную часть Швеции и объявив её автономным «княжеством Финляндским», решил сделать вновь образованному княжеству подарок в виде северных пригородов Петербурга.

Так территория между Петербургом и Выборгом стала на время Финляндией. Но из-за близости к столице России и исторической судьбы её стали называть «русской Финляндией». У многих состоятельных петербуржцев здесь имелись дачи, мызы, соб-

ственные земли. Местное население было тесно связано со столицей экономически — в Петербург ездили на заработки. В то же время юридически это была уже не совсем Россия, а княжество Финляндское — со своей конституцией (у России вплоть до XX века таковой не имелось), независимым судом и своими «пограничниками». И даже со своим временем! При пересечении границы (а она находилась в считанных вёрстах от Петербурга) требовалось предъявлять документы и... переводить часы! Да, хотя Выборг и Северная столица находятся в одном астрономическом часовом поясе, разница во времени на одном (русском) берегу мелкой речки Сестры и на другом (финском) составляла 20 минут! Не час и не полчаса, а всё-таки стрелки переводить приходилось.

Долгое время Карельский перешеек оставался окраиной нашего государства, и, несмотря на близость столицы, православие сюда проникало с таким же трудом, как на Чукотку или Камчатку. Дело было в

Ёлка в Кивеннапе

шведском королевском манифесте 1781 года, который запрещал открытие православных обителей на территории Финляндии. Но ведь, казалось бы, после присоединения Финляндии к России шведские короли потеряли

шие русские монастыри на Ладожском озере: Валаамский и Коневецкий. А когда началась советско-финская война за Карельский перешеек, Линтульский монастырь эвакуировался в глубь Финляндии. Он и сей-

чит, тут можно праздновать и русское Рождество! Вроде бы в Финляндии, но по русскому православному календарю. Сосны и ёлки тут, в Линтуле, ничем не отличаются от зимних деревьев в лесу под Хельсинки.

Линтульский монастырь

власть над этой землёй? Короли потеряли, но финское законодательство оставалось прежним, шведским. Поэтому строителям и первым насельницам Линтульского женского монастыря пришлось нелегко. Однако последующая история показала, что и в «странном» указе Александра Первого о присоединении Карельского перешейка к княжеству Финляндскому, и в появлении здесь вопреки местным законам православного монастыря коренился большой исторический, духовный смысл. Когда в России случилась революция, а Финляндия получила независимость, Линтульский монастырь оказался за границей. Вместе с ним на территории независимой Финляндии очутились старей-

час там находится, в местечке Палокки.

В России же Линтульский монастырь, в отличие от Валаама и Коневца, не возродился. Его эстафету приняла Константино-Еленинская обитель. Бывший Линтульский монастырь стал его подворьем. Старый храм, сгоревший ещё в годы гражданской войны, восстановили. Он теперь как новенький.

Посёлок «Огоньки», в котором находится Линтульское подворье, практически пуст. Оставшиеся без хозяев дома разрушаются. Да и добраться в Линтулу, если нет собственной машины, непросто — хотя оттуда до Петербурга каких-то 25 километров.

Но ведь если существует «русская Финляндия», зна-

Да, а я ведь ещё не объяснил, что такое Кивеннапа! Между тем тайны тут никакой нет — так во времена «княжества Финляндского» назывались окрестные земли. И нынешний посёлок Ленинское, и Огоньки-Линтула входили в состав волости Кивеннапа. И действительно, в Кивеннапе стоит поселиться. Просто для того, чтобы вернуть к жизни тоскующие без человека просторы. Вот только в «коттеджные посёлки», которые навязчиво рекламируются, я бы ни за что не поехал. Что за жизнь за высоким забором, в типовых особняках! Настоящая жизнь там, поближе к старому монастырю, обласканному Иоанном Кронштадтским, поближе к старому кладбищу.

КАЛЕНДАРЬ ЯНВАРЬ

Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у неё не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, — синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щёлку какую под крышей, забьётся туда, распушит попышней свои пёрышки, кое-как и переспит ночку.

Но раз — среди зимы — посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за околицей. Внутри была целая перина мягкого пуха.

И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью её разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно.

Там в комнате стояла большая — под самый потолок ёлка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг неё прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в до-

ме наконец успокоились и в окне погас свет.

А утром Зиньку разбудил весёлый, громкий крик воробьёв. Она вылетела из гнезда и спросила их:

— Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели,

спать не давали. Что такое случилось?

— Как? — удивились воробьи. — Разве ты не знаешь какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются — и люди, и мы.

— Как это — Новый год? — не поняла синичка.

— Ах ты, желторотая! — зачирикали воробьи. — Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

— А что это «январь», «календарь»?

— Фу, какая ты ещё маленькая! — возмутились воробьи. — Календарь — это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь — его первый месяц, носик года. За ним идёт ещё десять месяцев столько, сколько у людей пальцев на передних лапах: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года — декабрь. Запомнила?

— Не-ет, — сказала синичка. — Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудрёно.

— Слушай меня, — сказал тогда Старый Воробей. — Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривай-

ся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

— Вот спасибо! — обрадовалась Зинька. — Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё, что заметила.

И Старый Воробей сказал ей:

— Ну вот, запомни: январь — первый месяц года — начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём понемножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглотит солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

Виталий Бианки (1894–1959), замечательный русский писатель, автор книг для детей, писал о лесе и его обитателях. Термин «лес» часто можно было встретить в заголовках его книг: «Лесные домишки» или «Лесные разведчики». Свои последние сказки Бианки даже называл необычно: сказки-несказки. В них нет волшебниц и фей или скатерти самобранки, но чудес там порой даже больше. О самом обыкновенном воробье Виталий Бианки мог так написать, что мы только успеваем удивляться: оказывается, птичка совсем не проста... Отрывок, который вы только что прочитали, — из сказки «Синичкин календарь» про маленькую синичку по имени Зинька, которая только познаёт мир.

За 35 лет писательской работы Бианки написал более 300 рассказов, повестей, сказок и очерков. Всю свою жизнь он вёл натуралистические заметки и дневники, отвечал на огромное количество писем читателей. Рассказы Виталия Бианки были изданы суммарным тиражом более 40 миллионов экземпляров, были переведены на разные языки мира.

Простые вроде бы слова

ХОЧУ

Как часто мы слышим это слово. А иногда какой-нибудь Витька просто орёт: «Хочу планшет, как у Вовки!» Планшет купить, конечно, должны родители. А если семья живёт бедновато и денег даже на еду не хватает? Но Витьке на это наплевать, он продолжает орать: «Хочу!»

Сначала Витька хочет иметь планшет, потом — велосипед, а когда подрастёт — мотоцикл, а в будущем — машину.

Иметь всё это не так уж плохо. Но возникает вопрос — кто такой этот Витька? Умеет ли он что-нибудь делать? Может ли он сам заработать, чтобы иметь все эти вещи?

МОГУ

Это слово произносится гораздо реже. И никто не кричит, что он, мол, лучше всех учится или играет в шахматы или в футбол. Он просто что-то делает, выполняет какую-то работу. Причём выполняет её с удовольствием или даже с радостью.

В будущем эти ребята обязательно станут специалистами в своём деле. Их будут ценить на работе. И они будут много зарабатывать. И много чего смогут купить — и машину, и даже коттедж где-нибудь на берегу моря. Но эти покупки для них не главное. Они жи-

вут с радостью, что они могут что-то сделать! И не просто что-то сделать, а нужное, необходимое другим людям.

ДОЛЖЕН

А вот это слово, мне кажется, вообще не говорится вслух. Оно живёт внутри человека, где находится его душа, совесть.

Недавно по телевизору показали одного мальчишку, который ухаживает за своей больной мамой: она не может ходить. Он покупает продукты, сам готовит обед. И гуляет с мамой, возя её на коляске. И никто над ним не смеётся. Наоборот, все ребята и во дворе, и в школе относятся к нему с уважением. А другой мальчишка вынес из горящего дома двух своих младших братишек. А десятилетняя девочка спасла малыша, который по мокрой траве скатился прямо в пруд. Она, не раздумывая, бросилась в воду и вытащила малыша.

Я мог бы привести ещё десяток примеров, когда это слово «должен» командует человеком изнутри. Ребята с таким «нутром» пользуются всеобщим уважением. Им объявляют благодарность и даже награждают медалями и орденами.

Так что эти слова — хочу, могу, должен — далеко не простые. По ним сразу видно — кто вырастит из этого мальчишки или девчонки.

Младшая сестра носила на голове платок, старшая — ботинки.

Доктор дал барыне капли, и она сразу вырубилась.

Когда туман рассеялся, князь увидел татаро-монгольское иго.

От страха его душа ушла в ботинки.

«Хоть одним глазком взгляну на Париж...» — мечтал Кутузов.

На балах он ухаживал за дамами, но скоро ему эти прибаутки надоели.

Дед вылечил зайца и стал жить у него.

Когда бомбы стали разрываться в туше солдат, Пьеру неожиданно открылся внутренний мир простых русских людей.

Чацкий был очень умный, а от ума всё горе.

Курсанов сидел в кустах, но всё, что не надо, видел.

Кое-что о ежах...

Как-то раз засиделся я за поздним чаем. Время уж к полночи подбиралось. За окном ночь беспросветная, и даже полная луна, выкатившись из-за леса, не спасает от темноты. На террасе окошко, в сад, приоткрыто. И вдруг слышу, кошачья миска, что выставлена у порога, нет-нет, да и звякнет донышком о каменные ступеньки.

Одним словом, заинтересовали меня эти постукивания. Ведь Барсик, хозяин миски, в избе! Может быть, другие коты к миске подобралась?!

Взял я фонарик, и к окошку. Изловчился и... направил луч света в самое то местечко, где должна находиться кошачья миска. И вот разгадка! К миске пристроился... ёж. Навалился передними лапками на край миски, наклонил её поудобнее так, чтобы мордочка до самого дна доставала, и ест. А в миске-то молочная вермишелька — котом не доеденная, осталась. Знать, по душе пришлась ежу еда, чавкает от удовольствия. Оступился лапкой, миска о ступеньку — дзинь. Неудобно ежу так есть! Он снова миску лапкой за край прихватывает — лакомство-то надо доесть! И на свет фонаря внимания не обратил.

Мне даже показалось, что свет ежу даже в помощь был.

Долго я наблюдал за ежиной трапезой. В кроне старой яблони непрерывно урчал козодой-полуночник, с пруда доносился шумный лягушачий концерт, а на лугу жарко драл свою странную песню коростель-дергач. Холодок ночи потянул туманы, и под яблонями у самой земли поднялась лёгкая молочная дымка, протупающая даже сквозь мрак ночи.

А ёж, закончив уплетать сытную вермишель, ещё раз стукнув плоской по ступенькам, будто бы требуя добавки, наконец-то отпрянул от миски, пару раз фыркнул и, пробежав немного по тропке, пропал в картофельных межах.

О том, что у меня на огороде завелась колючая компания, мне стало известно давненько. Уж очень часто и как-то необычно по ночам стал лаять дворовый пёс — явно не на луну. Кто-то живой из ночи в ночь не давал покоя псу. И вот однажды ранним утром отобрал я у собаки ёжика. Окажись я чуть позже, закатал бы кобель ежонка до смерти. А так вроде ничего — полежал ёжик немножко, отпрянул от страха, развер-

нулся и побежал восвояси, только голыми пятками засверкал.

В первую очередь, ёжик для меня — это воспоминания о детстве. Чаще всего из леса в дом я приносил именно ежей. Впустишь с вечера украдкой ёжика в дом, а ночью от ежиной гульбы — топота по деревянным половицам все домочадцы не спят. Так и приходилось под ворчание домашних вставать за полночь и относить ежа во двор. Какие-то вновь возвращались в лес, а некоторые оставались, выбрав себе уютное жилище где-нибудь в глубине дровника или в подполье старого сарайчика. Каждый вечер я старался поставить в укромное местечко двора миску то с молоком, то с какой-нибудь кашей и очень радовался, когда на утро миска оказывалась вычищенной до доньшка. Может быть, за ночь к миске прикладывались и гуляющие коты, но я тогда об этом и думать не мог. Ведь еда была выставлена для моих колючих соседей. И так повторялось каждый вечер. А с наступлением сумерек, усевшись на лавочке, я начинал поджидать ежей, внимательно вслушиваясь в каждый родившийся в темноте шорох. А вдруг это ёж спешит к моему угощению?

Почти всегда удавалось видеть ёжиков поодиночке. А вот чтобы сразу целую семейку — ни разу. И вот однажды поздним вечером, сидя на ступеньках бани, слышал я из подполья бани

шуршание. Баня старенькая, осевшая в подборе, и отдушенка почти до самой земли просела. Пока я раздумывал что к чему, из лаза показалась ежиная мордочка, а вскоре и сам ёж вымахнул наружу и тотчас в картофельные межи затрусил. Следом за ним один за другим показались из лаза ещё пять ежей величиной чуть больше, чем мячик для тенниса, и все гурьбой прямо в межу под покров плотной ботвы. Расфыркались там, расшуршались, знать, делили что-то. Сумерки быстро сгустились. Было хорошо слышно, как орудуют ежи в межах, всё дальше и дальше отдаваясь от меня...

Зима есть время тихого сна для ежей. Но некрепок ежиный сон. Установится зимняя оттепель с капелью, с солнечными погожими деньками, глядишь, и цепочка ежиных следков на отсыревшем снегу напечатана — разбудила колючего оттепель, разогнала сон, вот теперь попробуй — засни! Мучается ёж. Натопчет, наследит по мокрому не в сезон снегу отпечатками своих босых лапок. Хорошо, если погуляв, и вновь в своё зимнее логово уберётся, тогда, может быть, и доживёт до настоящей весны, заснув тревожным сном.

Однажды заметил я, как ёж себе зимнюю колыбельку готовит. Выбрал ёж местечко для зимовки под отвесом крыши старого бревенчатого погреба, сперва подкопал под прогнившую до-

ску, а потом давай таскать туда пожухлую яблоневую листву. Загребёт лапками кучку сухих листочков, прихватит ртом пучок листьев и спешит в заветный лаз. Уложит принесённую листву — и за новой порцией. Много нужно листвы перетаскать, чтобы подстилочка тёплой была. Ведь она ежу, как перина — тепло держит. Если есть где мох взять, то и мошка вдоволь натаскает. Удалось мне как-то видеть в лесу зимнюю ежиною спаленку в плотных корнях старой вывороченной ветром ели. Да и не заметил бы я это ежиное жилище, если бы не стайка лисичек, выросшая на отвале ярого песка у самого корневого выверта. Старательно сплетённый меж собой мох-ягель, обсыпанный листвой. Вся эта конструкция была очень похожа на птичье гнездо, и было такое впечатление, что строилось оно вовсе не на один сезон. Представил я себе, как укладывается ёж в своё гнездо, укутываясь в сухую листву так, что и самого не видно, и спит себе до поры до времени, лишь бы затяжных оттепелей не было, что могут сон отогнать. Спать старается залечь с первыми крепкими зазимками конца золотой осени, задолго до первого снега.

Одними из первых ежи в зимнюю спячку укладываются, но и рано весну встречают.

В памяти есть ещё одна забавная история. Набрёл я в низкорослом ельнике, что вырос сором на заброшенных лугах, на старый, брошенный охотниками шалаш. Иссохший еловый лапник местами провис, в крыше прорехи. Было начало апреля, местами ещё плотно лежал снег, а дневное тепло сменялось дюжими ночными заморозками. Весна не торопилась с теплом, оттого-то и день, едва прогревшись на пике, скоро расставался с теплом, и вечерняя прохлада сильно студила воздух.

Вокруг шалаша были проталины, а старая машинная колея, по которой уже давным-давно никто не ездил, вдоволь поросла молодым березняком да осинником. Увидев шалаш, ради любопытства заглянул в него, отогнув свисающие над лазом ветки. И каково же было моё удивление, когда внутри шалаша я обнаружил сразу четырёх ежей, почти бок о бок сидящих рядом. Уж зимовали, что ли, ежи в этом заброшен-

ном шалаше? Или просто для отдыха заметили? Не стал я тогда тревожить колючих, ушёл восвояси и больше никогда к этому заброшенному шалашу не возвращался. А уж теперь и места того не отыщу.

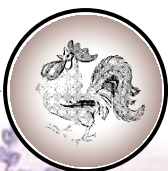
В урожайный на ежиное племя год встретить ежей можно где угодно, а иногда и по нескольку сразу. То дорогу перебегут, то на лужайке пасутся, чем-то в траве промышляя.

«Поговорить» с ежом не просто. Чуть ближе к нему — тот сразу зашипит и разом в колючий клубок свернётся, и до тех пор в клубке будет, пока не почувствует, что опасность миновала. А захочешь погладить, так он ещё и уколоть попытается. Потихоньку осматриваясь, развернётся и тикать в местечко погуще.

Но случалось у меня,хватишь малого ежонка врасплох, возьмёшь на руки, а он ещё совсем несмышлёный и в клубок сворачиваться не собирается. Так и лежит на ладони, мордочкой водит по сторонам.

Ежи давненько поняли, что жизнь рядом с человеком куда проще. Возле человека пропитание найти легче, домышку себе на зиму подыскать можно, да и не обидит никто. Как-то выставил я мусорный пакет за порог, на улицу, да не отнёс сразу в нужное место. К вечеру, смотрю, а пакет-то мой зашевелился. Глянул внутрь, а там ёж сидит — прогрыз дыру и шебаршится в нём. Не тронул я ежа, дав закончить ему своё дело. Вот такие дела!

Художник О. Ионайтис

Божия коровка

Максиму

Наступили летние каникулы, и родители стараются отправить своих ребятшек куда-нибудь поближе к природе. И как тут не вспомнить каникулы нашего детства, когда было множество пионерских лагерей, куда без особого труда отправляли ребёнка не только на одну или две смены, но и на всё лето.

Сначала ещё тосковалось по дому, но потом коммунальная жизнь с палатами на десять-двенадцать человек, умывальниками на улице, зарядкой и танцами под аккордеон, удушливой комнатой для сушки вечно сырых босоножек и кед (до эпохи кроссовок ещё было ох как далеко!) захватывала тебя полностью и открывала ранее неизвестные ощущения. Это была школа общегития со своими положительными и отрицательными сторонами, так необходимыми в дальнейшей взрослой жизни.

Утром трубил горн, и хочешь не хочешь, но надо было быстро встать, потому что вожатый настойчиво будил полусонных маль-

чишек и девчонок на зарядку, а с улицы раздавался задорный перелив аккордеона. А потом линейка, завтрак, и не хватало времени написать несколько строк родителям.

А то вдруг зарядит дождь, и вожатый объявляет, что сегодня играем в почту. Это значит, что девочки и мальчишки переписываются друг с другом. Первые робкие, порой грубоватые признания, чтобы никто не заподозрил, что Витька влюблён в Машку, а она, дура с длинной косой, каждый вечер приглашает на белый танец лопоухого Юрку.

И как-то разом повзрослевшие больше, чем за весь учебный год, собирались ребята к первому сентября и удивлялись изменениям друг в друге, свято храня сокровенные тайны, накопленные за три летних месяца.

Всё это было в далёком и поистине счастлимом детстве, когда путёвки в пионерский лагерь давались родителям за символические средства, с требованием профсоюза обеспечить всех желающих, а в особенности малообеспеченные семьи.

Сегодня детей в летние лагеря стараются не отправлять. Во-первых, это очень

дорого, да и страшновато. С телевизионных экранов кричат о массовых пищевых отравлениях в лагерях и безответственности воспитателей. Страшатся родители, сопротивляются дети.

Мы с мужем на пенсии, и дача стала местом нашего круглогодичного проживания. Тишина, кругом лес и напоенный запахом цветов и трав воздух.

Нашему старшему внуку Максиму восемь лет. Он увлечен игрой, название которой укладывается в загадочную аббревиатуру PSP. Из-за этого PSP у меня с Максимом возникают постоянные конфликты. Максим старается, улучив каждую минуту, когда я теряю бдительность, поиграть в «стрелялки», а я пытаюсь оторвать его от этой, на мой взгляд, пустой игры и выпроводить на улицу. Препирательства заканчиваются моей победой, и Максим со скучающим видом подчиняется требованиям старших и выползает на улицу.

В коттеджном посёлке у всех высокие и сплошные заборы, чтобы никто не лицезрел личную жизнь соседа, и от этого общение ограничено.

Лето набирает свою силу постепенно, и пока ещё никто не знает, что предстоит удрушающая жара, когда столбик термометра поднимется до отметки в сорок градусов, а все двери и окна в доме будут плотно закрыты от расплзающихся повсюду дыма и запаха гари бушующих в Подмосковье лесных пожаров.

Но это будет потом, а пока просто светит солнце, щебечут птицы и ползают всякие букашки.

— Бабушка, бабушка, посмотри, что у меня есть, — взволнованно говорит Максим.

Маленький кулачок разжимается, и я вижу на ладошке внука замершую от придавленности божью коровку. Она маленькая, и на её спине видны две чёрные точки.

— Бабушка, ей всего два годика?

— Я не знаю, сколько ей лет, — честно отвечаю я, признаваясь тем самым в полном отсутствии информации о жизни насекомых.

— Ну как же ты не знаешь? Ведь у неё две точки на спинке, значит, ей всего два года, — поясняет Максим, озвучивая привычную для всех теорию.

— Наверное, два, — соглашаюсь я.

Он зажимает букашку сильнее и убегает задом, чтобы получше её разглядеть и познакомиться.

— Бабушка, дай мне баночку, я сделаю для неё домик, — просит внук спустя полчаса.

Я иду на кухню и вытаскиваю из ящика маленькую баночку из-под детского питания нашего младшего внука и протягиваю Максиму. Мы плотно закрываем крышку, чтобы насекомое не убежало на свободу, которую оно только что потеряло.

С моим предложением сделать в крышке дырочку, чтобы в банку поступал воздух, Максим с радостью соглашается и добавляет:

— Давай положим туда травки и земли, чтобы она чувствовала себя как дома.

Максим бегает с баночкой в руке по дорожкам счастливый, что всё так хорошо устроилось.

— Бабушка, это будет моё домашнее животное. Я буду его кормить и поить.

Так проходит час. Я вижу, как долго и внимательно он наблюдает за жизнью божьей коровки через стекло баночки, прикладывает её к уху, пытаясь услышать шорох, как от майского жука в спичечном коробке, а потом спрашивает:

— Как ты думаешь, ей хватает воздуха?

— Думаю, что долго в баночке она прожить не сможет.

В его голове и душе идёт работа, потому что он уже не бежит так радостно, как прежде.

Проходит время, и я вижу, как Максим со счастливым лицом и открытой баночкой бежит ко мне:

— Бабушка, я отпустил её. Ведь это Божия коровка?

— Да, божья коровка, — отвечаю я, ещё ничего не понимая.

— А раз это Божия коровка, то она вернётся к Боженьке и расскажет, что я её отпустил, и Боженька порадуется.

Я понимаю, что только что мне был преподнесён урок нестяжательства. Почему-то считается, что всё в этом мире принадлежит нам, а ребёнок так просто и легко отдал то, что только что было в его власти, Тому, Кто по праву обладает всем. И как светло стало на душе внука, когда он отдал ему не принадлежащее.

Однажды, обсуждая что-то, Максим повзрослому сказал:

— Не в деньгах счастье, бабушка.

А я, ёрничая, ответила:

— Ну правильно, не деньгах счастье, а в их количестве.

— Нет, и не в количестве, — не замечая иронии, говорит внук.

— А в чем же?

— В самой жизни, бабушка. — И чтобы разрядить серьёзность и силу сказанного, с улыбкой добавил: — Ну и в PSP, конечно...

И совсем не важно было, услышал ли он это где-то и выдал за своё или пришёл к такому пониманию из собственного умозаключения. Значение имел только вывод как таковой.

На следующий день моросит дождь, и мы оказываемся запертыми в кирпичных стенах дома. Хлеба на ужин не хватит, а до поселкового магазина ещё дойти надо. Дед и внук принимают решение идти, несмотря на ненастье.

Вернулись они спустя два часа, и было заметно, что прогулка объединила их.

Оказалось, что после дождя все тропинки размыло и лужи превратились в маленькие озера. На ногах Максима были летние сандалии, и деду пришлось переносить внука через образовавшиеся запруды.

— Бабушка, хочешь я тебе что-то скажу? — таинственно шепчет Максим.

— Ну поделись, если считаешь нужным.

— Когда дедушка переносил меня через лужи, чтобы я не промочил ноги, я почувствовал, какие у него нежные и сильные руки!

— Да, мой родной, я знаю, что у него необыкновенные руки, — говорю я, вкладывая в интонацию всю силу чувств, которые испытывает женщина к любимому мужчине.

Дистанция между строгим дедом и внуком сокращается. Во время обеда дед как бы ненароком роняет:

— Как жаль, что некому мне помочь с мужскими делами...

— А что нужно делать? — опасливо спрашивает Максим.

— Да гвозди из досок выдернуть. Бабушке эту работу я доверить не могу. Не женское это дело, а помощник нужен.

— Так давай я тебе помогу, — предлагает Максим.

Дед с внуком уходят в баню, и я в окно наблюдаю, как они, склонившись друг к другу, что-то делают час за часом.

Я начинаю волноваться, что ребёнок наколется, устанет, и спешу вызволить его из «обязаловки». Подойдя поближе, слышу чёткие, короткие команды:

— Держи гвоздодёр крепче, цепляй, тяни! Резче!

И звук падающего в железную банку старого гвоздя.

Заброшено PSP, нет нитя, только, повзрослевший вдруг, голос внука:

— Бабушка, не волнуйся, иди, у нас мужское дело. Закончим, придём пить чай.

Так и вытащили к вечеру все гвозди из досок. А потом были ужин и чай из самовара.

И может быть, именно этот летний день всплывёт когда-нибудь в памяти Максима Алексеевича Климова, и покажется таким простым то, что казалось неразрешимым. Надо только окунуться в тот, почти забытый день детства.

Баба Маня

Есть крылатая фраза: «Чудес не бывает, бывает стечение обстоятельств». Я тоже всегда думала, что чудес не бывает. Но так хотелось верить в то, что в нашем мире случаются вещи, которые в одночасье, как по мановению волшебной палочки, меняют что-то к лучшему.

Все мы читали в детстве сказки, в которых часто происходит волшебство. А теперь я расскажу вам ещё одну сказку... а может, и не сказку.

На вид Манечка — самая обычная кошка, серо-полосатая с белыми пятнами, возрастом восемь лет. Каким-то образом она осталась одна-одинёшенька. Люди принесли её в приют для бездомных животных и забыли.

Выжить в приюте нелегко. Все силы и здоровье уходят на борьбу за выживание с инфекциями, холодной зимой, болезнями, стрессом, депрессией от предательства людей, с соседями по вольеру за еду, за место на полке. Но, как и у людей, бывает так, что страдания и лишения только закаляют силу

характера. Два долгих и трудных года Манечка провела в приюте. Эта кошка-лидер по натуре, она не сидела сложа лапы. Она стала Бабой Маней, умудрённой опытом кошкой. Она воспитывала товарищей по несчастью, которые находились с ней в одном вольере, в трудных ситуациях подставляла своё крепкое плечо и лапу новичкам. Остальные кошки явно демонстрировали ей своё почтение и уважение. Но больше всего на свете Манечке хотелось домой, туда, где ласковая рука хозяина погладит её, где ей скажут доброе слово, где ей дадут вкусную еду и будут о ней заботиться. Сил становилось всё меньше, надежда таяла с каждым днём...

Много раз Баба Маня видела, как приходили люди, выбирали других, более привлекательных и молодых кошек, брали их на руки и уносили домой. Но её никто не выбирал, никто не мог разглядеть в ней широкую душу и преданное сердце. А ведь каждый раз Маня прилагала все усилия, чтобы на неё обратили внимание, заметили, погладили, забрали домой. Она тянулась к

Жукова Мария,

13 лет, Сертоловская СОШ
№ 2, 8 «В» класс

* * *

Опять взметнулся занавес потёртый
И скрипнули подмостки под ногой.
Театр ожил, он уже не мёртвый...
Актриса... в тёплой шубе меховой...

Ещё в партере пусто, неуютно,
И жёлтой лампы так неярко свет...
Актриса не нашла себе приюта,
И жизнь её давно сошла на нет...

Душа её, сожжённая закатом,
Привычно встрепенулась у кулис
И... боль свою оставила за кадром,
И хохотала вечер весь «на бис».

Я слышала, что сцена — лицемерье.
Но каждый сам решает под конец,
Наперекор общественному мнению,
Актёр — художник или гнусный лжец...

Вдруг вспомнив, что для вечности рождён,
Пройтись дождём по грязной черепице...
Шагнуть вперёд — не значит падать вниз
И в лист, замёрзший, ломкий, превратиться...

* * *

Распахни свою душу ветрам
На изломе забытых дорог —
Эта гордая дивная песнь под чудесным
названием «свобода»...
Вечный поиск себя через снов
сокровенную синь,
Через время, и боль, и любовь, что растёт
год от года...

Это зеркало жизни в себе отразит тишину,
Ты, вглядевшись, поймёшь, как устал
и дорогой измучен.
Сердце бьётся трудней и трудней, суть
свободы дана:
Это боль, при которой решаешь ты сам,
что же лучше...

И впечаталось в душу: дороги, размытые днём,
Ноги стёрты, но радость в душе неземная.
Ясный свет и течение долгих
спокойных минут...
По дороге любви и свободы к преддверию рая...

каждому новому посетителю, с надеждой смотрела ему в глаза. А потом в очередной раз провожала взглядом людей, которые, радостно сжимая в своих объятьях другую кошку, уходили домой, вновь оставив её без внимания. В таких случаях Манечка обижалась до слёз (честное слово, до слёз!) и расстраивалась от несправедливости окружающего мира. Да, она немолода, да с виду совсем обычная, но ведь и ей хотелось домой, к людям, к теплу. Баба Маня — мудрая кошка, и она не переставала надеяться на лучшую судьбу.

А дальше всё происходило как в настоящей сказке. Фотографию Бабы Мани и рассказ о ней в Интернете увидела девушка Юля. Посмотрев один раз на Бабу Маню, Юля не смогла забыть её.

Говорят, что кошки обладают сверхъестественными способностями, что они — телепаты. Баба Маня ещё не знала, что Юля уже увидела её, но в тот день кошка была уверена, что именно сегодня она точно уедет домой!

Нужно было видеть, как Манечка встретила Юлю, когда она приехала в приют: сначала был интерес, потом полная готовность к общению и восторг от внимания к ней. А затем Маня с радостью забралась в переноску и с облегчением улеглась там. Вот именно в этот момент и произошло чудо, которого Баба Маня ждала целых два года! Именно ради этого момента она выстояла и выжила в приюте. Она ехала домой!

Так началась новая жизнь уже немолодой, самой обычной кошки. Так она стала самой счастливой кошкой на свете.

А Юля, побывав в приюте, не смогла забыть остальных кошек. Теперь она навещает приютских сироток, помогает кормом кошкам и котяткам в приюте.

Это не чудо, а стечение обстоятельств, скажете вы. Нет, это именно чудо! Чудо, что на этом свете есть такие добрые и отзывчивые люди.

* * *

Я думаю, душа должна быть птицей,
Лететь, раскинув крылья, сквозь огонь,
И научиться песнями молиться,
И петь в чужих краях про путь домой.

Я думаю, душа должна быть птицей,
Лететь, пронзая мысли, сквозь века
И после смерти — заново родиться,
Не упуская жизни ни глотка...

Я думаю, душа должна быть птицей.
Спасать надежды свет сплетением слов,
Впервые таинств неба причаститься,
Вплетая нити в кружево миров...

Я думаю, душа должна быть птицей...

Заштопаю песнями дыры во времени...

Зачем раздирать вам мой мир на отметки
И песни мои продавать на тряпье?
Мне страшно подумать, что то, что мне свято,
Назавтра растащит уже воронье...

Мой мир беззащитен, он сжался, испуганный;
Поток ледяной, перемешанный с грязью,
Обдал своим холодом радость последнюю
И скромную веру, надежду на счастье.

Заштопаю песнями дыры во времени
И смою след боли на белых ступенях,
Наполню озёра прозрачной водою я —
И волны иссушенный берег омоют.

Пусть мир мой в заплатах,
Расползся по швам —
Его ни за что никому не отдам...

* * *

Этот город закрыл меня,
Запер одну среди камня и льда,
Между пошлостью фраз и холодным
разумным покоем,
Там, где главная мысль у людей — говорить
«я достоин!»,
Там, где веры не станет уже никогда.

Я бы вырвала крылья из плена рассудка и грязи
И оставила мир прозябать на холодном краю —
Но меня держат песни, что я на рассвете пою,
И ещё я надеюсь на веру и силу приказа.

А едва я почувствую рядом
Дыханье беды,
Мне захочется жить, но не здесь
и совсем по-другому.

Я не плачу. Останусь, но лишь для родных
и знакомых,

Попытаюсь помочь наглотавшимся
грязной воды.

Эта грязь пропитала до дна наши разум
и мысли,
Их не вычистить, пятна останутся,
как ни крути...
Только жить по-другому, не так, мы уже
не хотим.
Раньше пели, мечтали, страдали, любили.
Но вы ли?

Я хочу окунуться туда, где весна для души
И прохладные травы шумят серебром
на поющем ветру.
Боль и ропот дожди пусть однажды сотрут,
А усталость и горечь — любовь навсегда
сокрушит...

* * *

Открывай окна настежь и жди.
Мои крылья истрёпаны ветром,
Я живу, потому что ты веришь:
Я твой брат и осенний ангел.

Ветры стонут бездомной болью,
Мир пронизан луной холодной.
У меня замерзают крылья.
Я не раз их ломал в дороге.

Открывай, не тревожься, окна.
Я хочу отдохнуть от ветра,
Я неслышно войду в твоё сердце
И умру, если ты непустишь.

Мой последний приют среди ночи.
Я стою у последней двери.
Это сердце светлее солнца
Остаётся, пока ты веришь.

* * *

Преследуемый звуками шагов
В оледеневшем времени пространства,
Мой друг, не знавший раньше, что умрёт,
Забыл, что значит плакать и смеяться.

Он жил и думал: будет так всегда.
И зря листва бросается под ноги.
Но жизнь прошла — без смысла, без следа,
И осень затянула все дороги.

Мой друг искал во времени подвох,
Хотел перехитрить людей и Бога.
Хотел жить вечно. Только для чего?
Зачем метаться, стоя у порога?

А он не верил в Вечность и Любовь.
Ведь этот мир — простая тень всего лишь.
Нам золото и власть здесь так важны,
Лишь с облаков — горошины не боле.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

3

Изостудия «Школа музыки и красок»
находится в Новой Москве, в городе
Московский.

Преподаватель — Лопачёва Галина
Васильевна.

1. Фёдор Кожурин, 7 лет. «Ёлочка»
2. Нил Гинкота, 9 лет. «Зимушка-зима»
3. Артём Ларченков, 9 лет. «Снеговик»
4. Попов Миша, 7 лет. «Снегири»

3

4

РОМАН-ГАЗЕТА етская 1

2016 (199)

«Художническая — и охотничья! — наблюдательность сочеталась в Е. Чарушине с большим чутьём к языку; редактор, работая над первыми его рассказами, помог ему овладеть труднейшей формой литературной миниатюры — крошечного, всего на одну-две страницы, музыкально законченного рассказа, острого, как всякий охотничий эпизод, и ёмкого, полного красок и запахов».

Лидия Чуковская

Е. Чарушин. Птицы. Иллюстрация

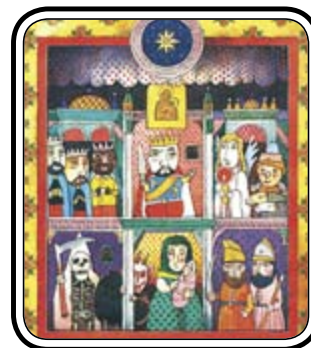
О & А
Ашишки

УГОЛОК РОССИИ:
Что такое Кивеннапа?

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Божия коровка

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА:
Рождественский вертеп